

- Мы можем об этом поговорить в гроте, - мягко сказал Генри, прежде чем ободряюще, потечески похлопать Гвен по рукам.

- Нам нужно многое обсудить.

Остальные члены посмотрели на пустой стол, мрачно напомнивший собравшимся, что теперь им не хватает Марка и Гюнтера.

Неожиданно Генри повернулся к Деборе. Однокурсница Гвен мгновенно напряглась, как только внимание магистра задержалось на ней, сжала руку Гвен немного крепче. Это была вполне понятная реакция, ибо кто не был бы ошеломлен полным вниманием Генри Килроя, главы десяти, хозяина Сиднейской башни? Он был легендой, персонажем, которого она видела только в газетах, и теперь он обращался прямо к ней.

- Ты же Дебора?

- Да, сэр! - ответила Дебора, отпустив руку Гвен и выпрямившись, как шомпол, не зная, кланяться ей или отдавать честь.

- Дебора Джонс, перво... скоро буду на втором курсе Академии Блэкуоттл, сэр.

- Не надо так нервничать, Дебора, - Генри тоже похлопал ее по плечу. Магеса земли замерла, как будто Гвен ударила ее еще одним разрядом молнии.

Я хорошо знаю этот взгляд, заметила Гвен. Дебора была поражена, как и прежде, общением с магистром, одним из самых могущественных магов в стране.

- Ты узнала некоторые довольно неприятные секреты, Дебора. Включая отношения Гвен со мной, - начал Генри, заставляя холодный пот проступить на лбу Гвен.

- В результате, боюсь, у меня нет другого выбора, кроме как...

- Мастер! - нервно вмешалась Гвен.

Они только что видели, как Марка утащили, как кусок говядины. Возможно, кровь ее мастера все еще кипела, и он не чувствовал себя защищенным и параноидальным от всего, чему только что стал свидетелем?

- Мне очень жаль, сэр, но... пожалуйста, пожалуйста, пощадите Дебору. Может быть, заклинание Гиаса или принуждение? Или ... или кольцо слежения? Она невиновна. Я имею в виду, что она неосторожно привела ее! Во всяком случае, он должен взять на себя ответственность!

Сурья казался уязвленным, на его лице застыла маска печали.

Генри сделал вздох, прежде чем начал хихикать. Через мгновение к нему присоединилась Сурья, и их веселое настроение рассеяло напряжение, охватившее весь разговор.

- Гвен... я хотел сказать, что у меня нет выбора... но я должен доверять ей в этом вопросе, доверять ее суждениям, ее способности хранить тайну.

- А... конечно, мастер, - Гвен почувствовала мгновенное облегчение, нахлынувшее на нее, и покраснела. Рядом с ней покраснела и Дебора.

- Мы можем тебе доверять? Дебора Джонс? - тон Генри стал более серьезным.

Вопрос был, конечно, риторический. Что бы сделала девушка, чьи отец и мать были Трансформаторы среднего класса, против просьбы, сделанной высшей властью в стране? Об отказе не могло быть и речи, равно как и о каких-либо бойких или неопределенных ответах. Несоблюдение соглашения было равносильно самоубийству. Башня была высшим органом власти в вопросах магии, превосходящим даже пограничное правительство, включая его Сенат. К кому могла обратиться Дебора, если хотела открыть миру правду? Она испарится, исчезнет, перестанет существовать в одночасье, как Марк Чандлер.

Дебора яростно закивала.

- Да, сэр! Вы можете мне доверять, сэр! - на всякий случай она добавила еще одного сэра больше. Никогда не бывает слишком много сэров, когда обращаешься к такому человеку, как Генри.

- Отлично. Ты можешь пойти с Сурьей. Будь уверена, ты с Гвен скоро увидите друг друга.

Дебора неохотно отошла от Гвен, заняв позицию позади своего инструктора Сурьи.

- Увидимся на ранчо, Гвен, - Сурья помахал внучке рукой.

- Увидимся позже, Опа.

Оставшиеся трое смотрели им вслед, провожая взглядом костлявого старика и высокую атлетически сложенную девушку.

Генри повернулся к последнему оставшемуся члену их прежней компании.

- Агнес, мне жаль, что тебе пришлось пережить все это.

- Мне тоже жаль, Генри, - упрекнула его Агнес. С заключением Марка в тюрьму наступила смерть их тридцатилетнего братства. Теперь она больше не могла говорить ни с Сурьей, ни с Генри, зная, что по их воле и намерению Марк гниет где-то в камере до конца своей естественной жизни.

- Теперь я могу идти?

Она сформулировала свой вопрос с осторожностью и отвращением, указывая на желаемую дистанцию.

Лицо Генри помрачнело, сочувствие замерло у него в горле.

- Ты можешь идти, Агнес.

- До свидания, старый друг.

Затем она ушла.

Остались только Гвен и Суфина. Дриада беззаботно порхала туда-сюда, рассматривая диковинки, оставленные Марком.

- Ну что, пойдём? - Генри сделал усилие, чтобы встать. Гвен подошла к нему, просунула руку под плечо хозяина, помогая ему двигаться. Рука ее хозяина казалась гораздо более хрупкой, чем у дедушки, и там, где Сурья была сплошным шнуром и кабелем, рука Генри больше походила на высохшую ветку.

Она не была уверена, нужна ли ему ее помощь, но, похоже, Суфине это было приятно. Они рука об руку спустились по узкой лестнице в подвальную комнату телепортации.

Сначала они остановились у квартиры Алесии. Гвен была испачкана на своей миссии, ее платье было порвано здесь и там, ее ногти были покрыты засохшей кровью. Если бы они телепортировались в башню подобным образом, сплетники бы начали бы сочинять пошлые слухи которые распространились бы по всей Океании прежде, чем они достигли бы лифтов левитации.

Генри задремал, а Гвен быстро приняла душ и переоделась. Алесия уехала с Юэ, обучая своего нового ученика искусству разрушения и сокрушения. Желая поторопиться, Гвен взяла первый предмет в стопке: платье на тонких бретельках Мерло, затем скользнула в белый кардиган, наконец, сменив свои потрепанные Мэри-Джейн на пару сандалий с накачкой. Смыв пыль и кровь с волос, она откинула челку в сторону и снова приняла свой обычный царственный вид.

Оказавшись на улице, Генри заметил, что Гвен хорошо воспользовалась довольно однообразным выбором гардероба Алесии. Они вдвоем подшучивали над тем, как Алесия

тратит свою ежемесячную стипендию на скоропортящиеся предметы одежды, несмотря на существование униформы, защищающей от пламени.

Затем они вернулись в потайную комнату внизу, где круг телепортации вспыхнул серебристо-белым, искажая пространство и расстояние.

Без присутствия Алесии стражники вели себя гораздо дружелюбнее. Некоторые из них поздоровались с Гвен и представились, живо заинтересовавшись высокой и красивой девушкой, которая, казалось, заинтересовала магистра. До этого она часто посещала башню, чтобы увидеть Магистра во время ее трехмесячного обучения. Теперь они знали её более или менее стандартной маршрут к мастеру башни. Хотя стражники не имели ни малейшего понятия о том, как она связана с магистром, они могли видеть по ее сыновней близости, что эти двое были близки. Может, она его родственница? Может быть, дочь знакомого с хорошими связями или, может быть, что-то вроде компаньонки? Это не имело значения для гвардейцев, которые сами были учениками и магами, проходившими обучение в различных фракциях. Они были вежливы с ней, а она - дружелюбна с ними. Если ей удастся выслужиться перед ними в обмен на оказанные услуги, это пойдет на пользу всем.

Охранники немного поговорили с Гвен, пока левитационная платформа гудела, дополняя ее словами восхищения. Они представились как Уильямс и Маккинзи, предлагая Гвен свои услуги с яркими, полными надежды глазами. Генри кивнул двум молодым людям, когда они с Гвен сошли с платформы.

Грот оставался вечным и неизменным. Мшистая поляна с пятнистым солнечным светом, чередующимся между сезонами, когда настроение Суфины менялось. Как только они вернулись в грот, спина Генри выпрямилась, а голова поднялась выше. К тому времени, как они добрались до центрального зала, он снова стал самим собой - стареющим профессором, выглядевшим шикарно в своем твидовом пиджаке и кашемировом жилете.

Они нашли место под деревом сердца Суфины, где легкий ветерок приносил летние запахи. Суфина обняла Гвен, издавая звук дрожащих листьев, когда Дриада вдохнула ее запах.

- У тебя все еще есть жизненная сила змеи, - с большим удовольствием заметила Суфина.

- Она яркая и насыщенная. Мне нравится это. Интересно, как долго он продержится?

Вокруг них росла садовая мебель, а Суфина играла роль служанки, возвращаясь к ним со стопкой хлеба из манной крупы, двумя хрустальными бокалами и графином своего знаменитого Золотого меда.

Генри подождал, пока Гвен усядется в эльфийское садовое кресло с изящными изгибами и лиственным деревом. Гвен удобно скрестила свои длинные ноги, спрятав лодыжку за мягкую, покрытую мхом ножку стула. Генри поднял бокал, и Гвен со звоном встретила его на полпути. Она сделала быстрый глоток и почувствовала, как оживляющая энергия меда наполняет ее усталый разум.

Они снова завели светскую беседу, тут и там обсуждали теорию колдовства, рассказывали анекдоты о скандальных скульптурах Сурьи, постепенно погружаясь в общий разговор.

- Гвен, как ты себя сейчас чувствуешь? - наконец начал Генри, начав с простого вопроса, чтобы проверить воду.

Это был сложный вопрос, и Гвен чувствовала потребность в взвешенных ответах. В конце концов, она только что была свидетелем того, как человека уволокли и посадили в тюрьму на всю его естественную жизнь. Истории последних нескольких часов рассказали Гвен о многих причудах и странностях ее мастера. Он был сентиментален, идеалист и романтик. Как лидер он был человеком среднего пути, мечтающим о невероятном балансе между властью и ответственностью. Как компаньон, он был доверчив и благороден, собран и сдержан. Как учитель, он был опытен сверх всякой меры, способный учитель, который произвел на свет двух несравненных протезе. Как арбитр, Генри был неумолим, способен отбросить свои эмоции, даже ради женщины, которую любил больше всего на свете. Если у Генри и был какой-то изъян, то он предпочитал терпение даже в самых неотложных делах.

Так как же ей подойти к их "разговору"? Молчание учителя дало ей время обдумать возможные варианты. Согласно грязной хронике Елизабет, Гвен обладала элементом, который неизбежно вторгался и развращал разум пользователя. Однако для Гвен это откровение лишь указывало на то, что сама война могла повлиять на Елизабет. Депрессия, тревога и посттравматическое стрессовое расстройство были общими симптомами, которые мучили уставших от войны.

Для нее было шоком узнать, что в этом мире, где смерть при службе и выживании в экстремальных условиях было обычным делом, не было такого понятия, как клиническая психология. Здесь лечение психического здоровья, казалось, никогда не проходило дальше апатии Великой войны. Не было Павлова, Скиннера, Юнга и Маслоу, чтобы объяснить внутренний мир травмированным пережившим ужасы как естественные, так и сверхъестественные. Если бы они существовали, то считались бы ментальными магами, не предлагающими бальзамов для воспаленного разума.

У нее не было времени.

- Виновна, - ответила она, прерывая молчание между ними.

- Я почувствовала, как крики моей жертвы бьются в моем сердце, когда разум Калибана присоединился к моему собственному. Я даже сочувствовал Боцце и Фарезу, работоторговцам, хотя Гюнтер пытался научить меня опасностям беспечного милосердия и наивности.

Эта откровенность удивила Генри, но, кроме того, что он медленно поднял бровь, глаза ее мастера ничего не выражали.

- Понимаю... - Генри задумался над ее словами.

- А как ты относишься к Марку? Его обвинение?

"Еще один сложный вопрос", - подумала Гвен.

- Злой, Возмущенный, - Гвен подчеркнула свои гласные. - Я не хочу вас обидеть, мастер, но я не Элизабет.

- Нет, это не так.

К ее удивлению, хозяин ухмыльнулся.

- Ты как-то сказала мне, Гвен, что злоупотребление властью -это когда раскаяние отделено от власти. Ты чувствуешь?.. раскаяние, Гвен?

Гвен задумалась. Она не могла быть идеальным боевым магом-социопатом или идеальным агентом инквизиции, как Гюнтер. Она даже не могла быть безжалостной, без сомнений сокрушающей препятствия, как Алесия.

- Да, мастер, - призналась она, выкладывая все это с чувством, что будь что будет. - Я не нахожу удовольствия в причинении вреда другим. Я не нахожу никакого желания лишать жизни своих врагов.

Генри задумчиво постучал пальцем по столу.

- А как же твое кредо, Гвен? Разве ты не хотел иметь власть наказывать тех, кто причиняет тебе зло? Охотиться на лис, пугать Волков и убивать тигров?

- Возможно, но уж точно не бойня, мастер.

Генри усмехнулся, девушка оказалась более зрелой, чем он ожидал.

- Значит, пацифистка? Редкая птица в этих темных и извилистых лесах, Гвен. Опасный выбор.

- Лес темен и глубок, мастер, но я должна идти своей дорогой, даже если она ни кем не пройдена.

- Дорога, по которой никто не ходил, может легко сбить тебя с пути, Гвен, и даже привести к пропасти... Знаешь ли ты, что лежит в конце этого пути?

- Не знаю, мастер, но я должна попытаться. Признать, что я буду убийцей... это... для меня невозможно.

Гвен покачала головой, ее голос дрожал. Может быть, она слишком много о себе рассказывает? Что, если ее мастер увидит в ее пацифизме страшную слабость? Что, если он решит бросить ее? Но было ли отвращение к убийству слабостью? Разве не Ганди сказал, что нет ни одной причины, за которую он убил бы, и тем не менее уничтожил четыре столетия колонизации? Разве не Сократ, чья мудрость построила современную республику, говорил, что не следует делать зла, несмотря ни на какие страдания? Возможно, это было чересчур; это был не тот мир, где люди могли бы вести переговоры с силами, которые угрожали им. Но, конечно же, в отношении своих братьев, как общее условие выживания, у людей были основания проявлять милосердие и сострадание к родным и близким. Во всяком случае, ее старый мир доказал, что это возможно.

- Ты хочешь и остаться пацифисткой, Гвен? Как ты надеешься выжить, не причинив вреда своим врагам? - голос ее хозяина становился все суровее. Теперь в этом чувствовался оттенок критики.

И мысли Гвен заметались в ее воспоминаниях. Она вспомнила великие выводы, к которым пришли люди, ответственные за расщепление атома, за создание конца человеческой цивилизации на земле. Контекст был немного не тот, но это должно было сработать.

<http://tl.rulate.ru/book/16999/1070518>